

Ты остался в моей памяти во всём блеске своей юности и бурной зрелости. Помню, как я впервые увидела тебя в старом дедовском и отцовском доме, когда наш ныне угробленный рабочий посёлок был ещё на взлёте своих лучших времён, и ты любил приезжать сюда ради общения с Кудиновыми московскими, пермскими, березниковскими, ради весенней охоты да постоянных походов в лес. Отчётливо помню, как ты выглядел и что говорил. Голубой спортивный костюм, казалось, был подобран под цвет твоих глаз, зачёсанные назад длинные пряди тёмно-русых волос рассыпались при каждом быстром твоём движении, ты смеялся, вспоминая забавные эпизоды знаменитой очёрской экспедиции.

Ещё будучи ученицей, я узнала, что близ деревни Ежово под Очёром, в холме было найдено гигантское захоронение ящеров. И открыл его Пётр Константинович Кудинов, средний из трёх моих дядей, братьев отца. О ручных работах в твёрдом массиве пород не могло быть и речи: для столь масштабных раскопок требовалась строительная техника – бульдозеры, экскаваторы, краны, и раздобыть деньги и технику удалось только через пять лет после открытия, в 1957-м году. Мой дядя, ученик и друг палеонтолога и писателя-фантаста Ивана Антоновича Ефремова, был бессменным начальником очёрских раскопок. Кроме учёных, с ним были двое школьников – племянник Петя и его кузен Володя.

– Помню, – рассказывал ты, обращаясь ко мне, – как нам сделали самодельные луки из свежего дерева, и Петруха сперва боялся стаи ворон, клевавших каменные кости. Боялся и черепа ящера с такими клыками, что его прозвали страхозавром! Чуть не утонул в лесном пруду да заблудился в шурфе десятиметровой глубины. Всего-то младше меня на

два года, а за ним нужен был глаз да глаз! Хорошо, что я всегда был рядом!

– Кончай сочинять сказки, – недовольно перебивал тебя Петя, сын старшего дяди. – Ничего я не боялся! Ты был в экспедиции одно лето, а я – целых три.

Но я слушала тебя, затаив дыхание. Парней, подобных тебе, не было не только в нашем классе, но и во всей школе. Как тут было не влюбиться? Вскоре истории о разного рода необылицах стали твоим увлечением, но ты был прекрасным рассказчиком, живым и остроумным.

Однажды я упросила моих дядей взять меня на весеннюю охоту в лес: только из-за того, что одним из её участников был ты. По случаю такого события ты купил бутылку шампанского и спрятал её в свой рюкзак. Нашу тайну случайно раскрыл младший дядя, но не выдал её никому. Найдя укромное местечко в апрельском лесу, мы с тобой по очереди пили шампанское прямо из горла бутылки, захлёбываясь пенящимися пузырьками жидкости. Впечатление было бесподобное!

Позже ты часто приезжал в наш посёлок на новеньком «Москвиче», купленном твоими родителями, и я восхищалась виртуозностью твоей езды. Ты любил на большой скорости катать меня до берега Камы и обратно. «Какой же русский не любит быстрой езды!» – повторяла я при этом как заклинание от бед. Однако, счастье наших встреч быстро прервалось. Помню, как в один из летних дней, закончив первый курс университетского филфака, я помогала двоюродной сестре собирать ягоды с большого куста крыжовника в заросшем, запущенном саду отцовского дома.

– Слышала новость? – спросила меня сестра. – Володя на днях женится на своей однокласснице Ольге. Вместе с ней и своими родителями переезжает жить в Краснодар.

Казалось, что острым шипом крыжовника я уколола в тот момент не только палец, но шип вонзился в сердце, занывшее от боли.

Новости о твоей кубанской жизни я узнавала из уст всё той же двоюродной сестры. Ты перевёлся на факультет авиадвигателей и успешно закончил его. У тебя родилась первая дочь Александра, и твои родители – отец – лучший водитель автобазы и мать-завмаг – получили трёхкомнатную квартиру. Твоя карьера стремительно рванулась в гору: вступив в ряды

КПСС, ты вскоре стал директором краевого Дома техники. Далее – рождение второй дочери Анны, замужество первой, покупка дачи на берегу Кубани. Ещё одну квартиру ты уже заработал сам – для Саньки и её семьи.

А дальше продолжились твои знакомства с нужными людьми, стали привычными частые выпивки в компаниях, ссоры с женой, которую ты подавлял неукротимым своим характером. Постоянными сделались командировки в Москву и почти во все Дома техники бывшего Союза. Тогда-то, во время наших встреч в Перми, Москве и родном посёлке, я отдала дань моей первой любви.

Помню просмотренную в юности армянскую мелодраму под названием «Песня первой любви», мелодия и слова из которой часто преследовали меня. Сюжет предельно прост и незатейлив: раскрученного эстрадного певца, добившегося славы, известности и денег, стали осаждать толпы поклонниц. Всё чаще певец оставлял одну дома свою кроткую заботливую жену, проводил вечера и ночи в обществе любовниц да охочих до ресторанных блюд и вин собутыльников. Не выдержав измен, жена ушла из дома, но вскоре избалованному певцу надоела разгульная жизнь, захотелось уюта домашнего очага, и он решил вернуть любимую женщину песней, написанной специально для неё:

Я с тоской ловил взор твой ясный,
Песни пел, грустя и любя.
Но ответа ждал я напрасно –
Был другой дорогим для тебя.

Песня первой любви в душе
До сих пор жива.
В песне той о тебе
Все слова.

Думал я, разлука поможет
От любви своей мне уйти.
Шли года, но образ твой всё же
Был со мной неразлучен в пути.

Немногие из оставшихся верных друзей певца вручили его жене билет на концерт, где впервые должна была прозвучать новая песня прощения, песня искупления вины, и усадили её в первом ряду до отказа заполненного зала. Голос певца звучал вдохновенно, как никогда, а горящий взор устремлён был на любимую женщину:

И не смог я жить в отдаленье,
Вновь с надеждой взгляд твой ловлю.
Ты должна понять, без сомненья,
Что тебя, как никто, я люблю.

Песня первой любви в душе
До сих пор жива.
В песне той о тебе
Все слова.

Концовка фильма соответствовала всем законам жанра: зрительный зал, взорвавшийся от оваций, и слёзы радости, что вытирала платочком жена певца.

В твоей бурной жизни всё было иначе: у жены Ольги, вполне обеспеченной материально и оставившей работу врача-терапевта, вскоре стала обнаруживаться признаки странного психического заболевания. Постоянно покинутая тобой, она пристрастилась бродить во дворе возле мусорных баков да подбирать оставленную соседями одежду. Шумные семейные сцены с матом, криками и угрозами не помогали: старые вещи выбрасывались тобой из квартиры, но через какое-то время появлялись в ней снова. Тогда я не знала обо всём этом: любимая двоюродная сестра, дочь старшего дяди, трагически погибла в Перми весной 1998-го года – так прервался главный мой источник информации о тебе. А через пять лет я стала убеждённой староверкой, сторонницей истинного Православия, и с головой погрузилась в творчество – стала писать повести, рассказы, публицистику, издавать за свой счёт книги небольшими тиражами.

К концу каждого календарного года я обычно отправляла тебе свою очередную книгу, и ты с нетерпением ждал её. Получив, благодарил меня телефонным звонком: твой хри-

пловатый, чуть картавый голос возвращал меня к лучшим воспоминаниям юности. Особенно понравилась тебе наша семейная сага – «Кудиновы. Хроника обретений и утрат одного рода».

Моя предпоследняя встреча произошла на твоей даче, куда ты привёз меня на такси, встретив на вокзале в половине шестого утра. Ты окружил меня небывалой заботой и вниманием: к моему приезду была истоплена банька, и меня ожидал завтрак с бутылкой марочного вина. Сам ты к этому времени – сентябрю 2009-го года – по состоянию здоровья уже ничего не пил, даже шампанского.

После завтрака ты прилёг отдохнуть, и твоя жена Ольга стала жаловаться мне на свою судьбу:

– Натерпелась я от него за эти годы! Бывало, купит билет в командировку, а сам накануне напьётся с дружками. Привозят его домой невменяемого, и что мне остаётся делать? Срочно сдать билет. Протрезвится – в ответ не благодарность, а отборный мат!

Другую сторону я позже выслушала в саду, под персиковым деревом:

– Предупреждали меня, что в их семье у всех четырёх детей с детства были психические отклонения, да я, дурак, не поверил. Женился – и маюсь всю жизнь. Я обеспечил её всем необходимым, по специальности она почти не работала, да и домашние дела делает из-под палки. И знаешь, какое у неё хобби? Сбирать старую одежду возле помоек!

– Вам обоим надо прийти к Богу! – посоветовала я. – Господь поможет!

Знакомым жестом ты махнул рукой, на сей раз – обречённо – и указал мне на лестницу-стремянку под деревом:

– Я оставил специально для тебя три персика на ветке. Полезай и сорви их.

– Да ладно, обойдусь!

– Не ладно, а полезай!

Впервые довелось мне сорвать персики с ветки, а не покупать в магазине, и я запомнила их необыкновенный вкус на всю жизнь. Поздно вечером, засыпая на свежей постели в отведённой мне комнате, я вспоминала роман американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Ночь нежна» о враче-психиатре, безуспешно пытавшемся вылечить

страдавшую психическими приступами жену. Ты не Дик Дайвер, размышляла я о нашем прошлом, Ольга – не Николь, а я, конечно, не Розмэри Хойт. Уже через день я поспешила покинуть дачу друга юности вместе с сонмом воспоминаний о прошлом и отправилась в Пшаду, к бывшей поселковой учительнице, купившей дом неподалеку от моря.

С каждым годом раскручивался всё ярче калейдоскоп моих путешествий: Турция, Тунис, Израиль, Египет, а после – три поездки в воюющий Донбасс, но... Песня первой любви властно звучала в моём сердце, вновь хотелось увидеть тебя. Я звонила тебе в 2018-м из посёлка Курортный в Восточном Крыму с просьбой приехать, но получила отказ. Звонила из «Сочи-парк-отеля» в 2019-м и слышала в ответ, что ты уже постоянно живёшь в краснодарской квартире, едва ходишь по ней, и врач запретил тебе волноваться.

На звонки из Алупки в сентябре 2020-го года ответов уже не было: на пути домой я задержалась на день в Краснодаре, чтобы узнать хоть что-то о нынешней твоей жизни. Зачем? Какое-то бесовское упрямство побуждало меня вновь увидеть тебя, возможно, в последний раз. В памяти крутилась фраза из «Энеиды» Вергилия: «Рок в последний ведь раз говорить мне с тобой дозволяет!» Дверь в квартиру оказалась не закрытой: ты ожидал прихода социального работника. Не сразу узнала я располневшую и хромящую Ольгу, которая, казалось, ничуть не удивилась при виде меня.

– Смотри, каким он стал!

Я вошла в твою комнату и тихо ахнула, увидев тебя беспомощно лежащим на постели. Ты привстал, узнал меня и матерно выругал жену: «Почему не предупредила? Ну не сука ли?!»

– Всю жизнь я слышу от него – сука, блдъ, стерва! Такова благодарность! Легко ли ухаживать за инвалидом первой группы с таким характером? А ведь пережил не по одному инсульту и инфаркту, теперь может лишь присесть на несколько минут. Постоянно меняю памперсы, начинает ругаться, обещаю выкинуть его вставные зубы!

– Успокойтесь оба, Христа ради! Все мы – на финишной линии к иной жизни. Наша задача – достойно прожить отпущенные Богом дни.

– Поверь, Галочка, я хоть сейчас готов умереть! Ну чего стоишь, как истукан? – рывкнул ты на жену. – Приготовь завтрак дорогой гостье.

Ольга удалилась на кухню, а ты молчаливым жестом предложил мне пройти в две другие комнаты. Я прошла и ужаснулась увиденному. Диван, стол и стулья были завалены старой одеждой, груды какого-то барахла лежали в кучах на полу. Квартира являла собой подобие свалки, заброшенного чулана.

– Как же терпят такое ваши дочери? – спросила я тебя, закончив гнетущий осмотр.

– Они уже давно махнули на всё рукой, даже навещают нас изредка. Аня постоянно живёт на даче, Санька – в своей квартире. Если моя мадам не излечилась от психического расстройства в тридцать четыре года, то в семьдесят четыре – тем паче. Ольга не считает себя больной, а мой удел – доживать среди этого бардака. Болезнь надо было лечить в зародыше, теперь уже поздно.

Я, как могла, пыталась вселить в тебя надежду на лучшее, уверяя, что «синдром Плюшкина» излечим. Надо лишь поверить в Бога и молиться об исцелении. Расстались мы по-дружески, но по дороге домой я размышляла, что пути Господни неисповедимы, и человеку не дано знать, ждёт ли его быстрая смерть или затяжная болезнь в беспомощном состоянии.

Уже в родных пенатах мелодия и знакомые слова «Песня первой любви в душе до сих пор жива...» порой настигали меня, но теперь я гнала их прочь, повторяя про себя: «Христианской кончины у Господа просим!».

23.10.2020